

Вскоре в поместье Чэн нашли шестерых крепких и здоровых слуг. Вместе с Чэн Ваншу и даосом Увэем они встали у восьми дверей и окон боковых покоев. Дождавшись нужного момента, все они одновременно начали громко стучать.

Остальные стояли в стороне и напряженно наблюдали за происходящим, боясь даже дышать, чтобы не помешать.

Восемь человек стучали так долго, что у них начали болеть руки, но изнутри все равно не доносилось ни звука.

Когда все уже начали сомневаться, что этот метод сработает, окна, в которые стучали Чэн Ваншу и даос Увэй, резко открылись внутрь, и оттуда с молниеносной скоростью вылетело несколько серебряных нитей.

Даосский мастер Увэй среагировал мгновенно, резко отпрыгнув на несколько метров назад, благодаря чему ему удалось избежать печальной участи быть продырявленным, как решето.

А вот Чэн Ваншу оказался опутан серебряными нитями, которые моментально втянули его в комнату.

Чэн Ваншу почувствовал, как мир закружился перед глазами, а потом он в кого-то врезался, после чего его обхватили рукой за талию и помогли твердо встать на ноги.

— А? Что? Где? — на мгновение опешил Чэн Ваншу.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что уже находится внутри боковых покоев, и прямо перед ним стоит Чжао Умянь.

Чэн Ваншу подумал: "Ничего себе, как я попал внутрь? Разве я не должен был сначала прощупать дорогу веткой и ждать, пока она зазеленеет? Ладно, неважно!"

Он отбросил ветку, которую держал в руках, и сказал Чжао Умяню:

— Там снаружи даосский мастер Увэй!

Чжао Умянь с равнодушным видом ответил:

— Я знаю. Когда мы только что обменялись магическими ударами, я уже почувствовал, что это он.

"О, правда? — подумал Чэн Ваншу. — Мян-Мян так спокоен. Неужели он уже может справиться с даосским мастером Увэем?"

— Не могу, — сказал Чжао Умянь.

Чэн Ваншу: "..."

— Но сбежать-то можешь? — спросил Чэн Ваншу.

— Да, — ответил Чжао Умянь.

— Это уже хорошо! — с облегчением вздохнул Чэн Ваншу.

После этого он о чем-то вспомнил и принялся оглядываться вокруг.

— А где Чэн Бужэнь? Он все еще жив?

— Жив, — ответил Чжао Умянь. — Он во внутренних покоях. Я только что вытащил его из потайной комнаты. Я бы посоветовал тебе не ходить туда из любопытства, чтобы посмотреть, что с ним стало.

Чэн Ваншу тут же перестал шарить глазами по сторонам.

— Не буду смотреть. Я всегда слушаюсь добрых советов.

В этот момент все двери и окна внезапно начали неистово трястись, издавая оглушительный грохот.

— Формация вот-вот будет разрушена, — произнес Чжао Умянь. — Они скоро войдут, мне пора уходить.

Услышав это, Чэн Ваншу сразу же схватил Чжао Умяня за рукав.

— Возьми меня с собой! Забери меня отсюда! Пожалуйста!

Чэн Ваншу уже был сыт по горло этим поместьем Чэн, где отец его не любит, а мачеха ненавидит.

— Я не привык, чтобы кто-то следовал за мной, — ответил Чжао Умянь.

Чэн Ваншу возразил:

— Все когда-то случается в первый раз. Сначала я пойду с тобой, а потом ты привыкнешь.

— Одиночество приносит покой и тишину, — сказал Чжао Умянь.

Чэн Ваншу воскликнул:

— Я читал эту книгу бесчисленное множество раз и знаю сюжет как свои пять пальцев! Я знаю все, что ты знаешь, и даже то, чего ты не знаешь. Если возьмешь меня с собой, у тебя будет ходячая энциклопедия! Ты не прогадаешь! Честное слово, не прогадаешь!

Чжао Умянь опустил взгляд и серьезно задумался.

Окна и двери затряслись еще яростнее. Казалось, они вот-вот разлетятся в щепки.

Внезапно взгляд Чжао Умяня стал напряженным, и он неожиданно подхватил на руки Чэн Ваншу.

— А? Что?! — воскликнул Чэн Ваншу.

Его хрупкая нервная система, отвечающая за речевые функции, давала сбой по восемьсот раз на дню.

В следующую секунду двери и окна одновременно разлетелись вдребезги. Множество деревянных обломков вместе с вихрем мрачного черного ветра ворвались в комнату, сметая на своем пути мебель. Рукава Чжао Умяня яростно захлопали на ветру, но, несмотря на неистовый ветер, его шаги оставались твердыми. Держа Чэн Ваншу на руках, он шагнул прямо в ураган, и их фигуры исчезли внутри него.

Когда ветер стих, господин Чэн и его супруга в сопровождении толпы слуг, вооруженных палками и ножами, ворвались внутрь.

Вскоре во внутренних покоях они обнаружили Чэн Бужэня. Он был едва похож на человека, но все еще дышал.

У госпожи Чэн потемнело в глазах, и она тут же лишилась чувств.

Господин Чэн, схватившись за левую сторону груди, дрожащим голосом приказал отправить Чэн Бужэня и госпожу Чэн к лекарю.

Суматоха продолжалась очень долго, но в конце концов все разошлись. Остался лишь разгром и запустение под холодным светом луны.

В тишине глубокой ночи отчетливо прозвучал глухой скрежет сработавшего механизма.

Потайная дверь медленно открылась, и оттуда осторожно вышел Му Жунчун.

Убедившись, что снаружи никого нет, он испустил вздох облегчения. Переступив через опрокинутые полки, он прошел во внутренние покои, где жил Чэн Бужэнь. При свете луны, пробивающемся сквозь разбитое окно, он принялся обшаривать комнату в поисках ценностей.

Чэн Бужэнь обожал коллекционировать редкие сокровища и диковинки, поэтому Му Жунчун действительно нашел немало хороших вещей, среди которых ему попало несколько книг с техниками культивации.

Он разрезал одеяло на лоскуты и наспех завернул в них книги и ценности. Закинув сверток на плечо, он собрался уходить, но, сделав шаг, случайно задел ногой какой-то предмет. Тот откатился в сторону и со стуком ударился о стену.

Му Жунчун наклонился и увидел, что это сынань¹.

Сам по себе сынань не был особо ценным предметом, но, повинувшись какому-то странному порыву, Му Жунчун поднял его. К своему удивлению, он обнаружил, что ложка буквально приклеилась к пластине. Как бы он ни вертел сынань в руках, она не падала.

Это определенно был духовный артефакт.

Му Жунчун решил забрать его с собой. Он снял узел с плеча, развязал его на полу и положил сынань внутрь. В этот момент из его рукава выскользнул маленький слиток серебра.

Это была вещь, оставленная Чжао Умянем, которую потом подобрал Му Жунчун.

Слиток серебра упал прямо на ложку сынания. Раздался чистый мелодичный звон, и ложка вдруг сама начала вращаться. Ее ручка медленно остановилась, указывая на юго-запад.

Му Жунчун изумленно смотрел на сынань, не отрывая взгляда от серебряного слитка. Спустя долгое время он наконец-то кое-что понял. Он поднял голову и посмотрел в ту сторону, куда указывала ручка. Взгляд его стал мрачным и тяжелым.

Тем временем примерно в трехстах ли к юго-западу на постоянный двор в небольшом городке зашли двое путников незаурядной внешности.

Один выглядел как элегантный молодой господин с непринужденными манерами, прямодушным характером и веселыми речами. Второй обладал несравненной, изысканной красотой. Его глаза феникса были светлыми и прозрачными, как глазурь, но его холодное выражение лица будто говорило, чтобы посторонние держались от него подальше.

Они сняли тихую комнату, расположенную в самом дальнем углу постоялого двора. Как только они вошли, Чэн Ваншу уселся за деревянный стол, взял чашку, налил в нее теплой воды из фарфорового чайника и сделал глоток.

— Наконец-то нам удалось отделаться от даосского мастера Увэя.

Чжао Умянь плотно закрыл дверь и осмотрел обстановку комнаты.

— Он не преследовал нас в полную силу. В противном случае, учитывая то, что я был с тобой, нам бы не удалось так быстро от него ускользнуть.

Услышав это, Чэн Ваншу почувствовал некоторое чувство вины и сразу же засуетился, пытаясь проявить заботу.

— Ты, наверное, устал после такого долгого пути. Хочешь попить воды? Я сейчас налью.

Чжао Умянь приподнял полы одежды и сел напротив Чэн Ваншу.

— Да.

— Сию секунду! — отозвался Чэн Ваншу.

Он наполнил чашку до краев и аккуратно поставил перед Чжао Умянем. Затем налил воды себе, наполнив ее примерно на две трети, и начал пить, погрузившись в раздумья.

По сюжету новеллы, после побега из поместья семьи Чэн Чжао Умянь поселился в городке Панлун, чтобы залечить раны. Неподалеку от него в лесу он нашел скрытый горный ручей, полный духовной энергии. Там, полагаясь на украденные у Чэн Бужэня книги, он прилежно культивировал несколько лет и добился немалых успехов.

Но теперь Чжао Умянь уже достиг стадии Золотого ядра, и ему не нужно лечить раны или культивировать. Интересно, есть ли у него какие-то другие планы?

Чжао Умянь поставил на стол фарфоровую чашку, которую держал в руках.

— Есть.

— А? — удивился Чэн Ваншу.

Чжао Умянь перевел на него взгляд и повторил:

— У меня есть план.

— Ох, точно, — спохватился Чэн Ваншу. — Ты же можешь слышать, о чем я думаю.

Так, подождите минутку... Неужели его слышали каждый раз, когда он мысленно кричал про себя что-то вроде: "Мой любимчик — самый лучший во всем мире!" или "Демоноликий владыка такой красивый, что у меня ноги подкашиваются!"

Чэн Ваншу нервно сделал глоток воды.

— Я все слышал, — произнес Чжао Умянь.

Чэн Ваншу поперхнулся водой и сильно закашлялся, прикрывая ладонью рот. По его лицу от кончиков ушей до щек быстро распространился румянец — то ли от смущения, то ли от того, что вода попала не в то горло.

— Кхе-кхе-кхе!!!

Пытаясь скрыть неловкость, Чэн Ваншу прочистил горло и поспешно спросил:

— И какой же план твоих действий?

— Найти Ли Цимина, — ответил Чжао Умянь.

— Найти главного героя? — удивился Чэн Ваншу. — Но ведь сейчас ему и десяти лет нет. Зачем ты хочешь его найти?

Чжао Умянь невозмутимо ответил:

— Чтобы убить его.

Чэн Ваншу кивнул.

— А, понятно, ты хочешь... Что?! Погоди?! А?!

1. Сынань — древнекитайский компас, который представлял собой собой ложку из природного магнетита, лежащую на квадратной бронзовой пластине. Ручка ложки показывала на юг, отсюда и название устройства — "показывать на юг". Такие компасы использовались не в навигации, а в геомантии, для строительства по принципам фэн-шуй.

<http://bllate.org/book/16983/1618941>